

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

УСПЕТЬ ПОВЕРНУТЬ НА ЛАГИШ

Александр Усовский

Успеть повернуть на Лагиш

«Автор»
1998–2019

Усовский А. В.

Успеть повернуть на Лагиш / А. В. Усовский — «Автор», 1998–2019

Изначально писалось философское эссе о смысле жизни – но получилось то, что получилось. Я попрошу читателя не судить строго мою работу – книге этой уже двадцать лет от роду, писалась она, страшно сказать, ещё в прошлом веке, отсюда и её персонажи, выглядящие сегодня несколько архаично. Но зато описаны они с натуры – автору довелось некоторое время провести рядом с прообразами будущих героев книги, вдумчиво вникая в их дела и заботы. Посему та часть книги, что описывает реалии конца прошлого века – документально достоверна, автор готов за это поручиться всем своим будущим гонораром. Что же касается той части книги, которая повествует о делах куда более давних – то просвещенный читатель, знакомый с историей японской агрессии в Юго-Восточной Азии, разочарованно хмыкнет и пожмёт плечами. К счастью для автора, таких читателей нынче крайне мало, а скоро вообще не будет... Читайте книги, друзья мои! Иногда это бывает чертовски интересно!

© Усовский А. В., 1998–2019

© Автор, 1998–2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Усовский

Успеть повернуть на Лагиш

*Памяти моего товарища, младшего сержанта Игоря Лапуки,
навсегда оставшегося девятнадцатилетним*

Пролог

С севера все еще глухо и редко доносилась артиллерийская канонада, изредка перемежаемая раскатами грозы. Грузные темно-свинцовые тучи наплывали с моря на прибрежную часть полуострова, неся влажную удушающую тяжесть. Джунгли, обступавшие шоссе, накатывали на людские колонны густой и мертвенно-пряный запах разложения. Казалось, сама природа стремилась изгнать из цветущего некогда Каодая разгромленную и бегущую армию.

Вот уже второй день через город Пейракан под непрерывным морсящим серым дождем шли отступающие войска, густо разбавленные беженцами. Пронзительно и жалко скрипели колеса интендантских повозок, нутужно ревели моторы расхлябанных грузовиков и артиллерийских тягачей с бесполезными уже пушками на буксирных крюках, иногда по кое-где сохранившейся брусчатке лязгали гусеницы немногих уцелевших танков бригады Лорендейла. Сражение было проиграно, и остатки армии маршала Креббса покидали северный Каодай.

Солдаты, измученные недельными бессмысленными маршами, угнетенные гибелью товарищей и последние два дня не получавшие довольствия, угрюмо и отрешенно тащились бесконечной серо-зеленой лентой по шоссе. Шли туземные стрелки и егеря, шли гренадеры и зуавы войск метрополии – все одинаково грязные и измученные, многие – без оружия и знаков различия. Чудовищное поражение начисто уничтожило разницу между когда-то столь разными частями.

Иногда среди толп пехоты и скопищ грузовиков проходили кавалерийские эскадроны корпуса Марджерета – когда-то блестящие в своих расшитых золотом мундирах, с яркими значками на опереточно длинных пиках. Теперь – такие же измученные, оборванные и грязные, как остальные солдаты. Усталые кони еле передвигали ноги, многих уланы и драгуны вели в поводу, чтобы дать отдохнуть измученным животным. От некоторых кавалерийских полков в строю оставалось от силы полторы сотни солдат во главе со смертельно уставшими и ни во что не верящими уже ротмистрами. Как кровавый кошмар, уцелевшие вспоминали первый день сражения, когда генерал Марджерет лично водил корпус в сабельные атаки, свято уповав на силу белого оружия – а враг косил кавалерию густым пулеметным огнем и давил обезумевших кирасир изрыгающими пламя танками.

Пехотные батальоны ползли без строя, толпами. Немногие офицеры, оставшиеся в строю (большинство их было убито снайперами врага в первый день катастрофы на Ируане) уже не пытались поддерживать порядок в своих изрядно поредевших ротах и отчаялись получить хоть какие-то внятные приказы командования, а просто шли вместе со своими солдатами вперед, в призрачной надежде достичь пристаней Армонвайса и погрузиться на транспорта. У всех отступающих войск главной и единственной целью этого нечеловеческого похода осталось – транспорта в гавани, склады продовольствия в порту и пакгаузы с оставленным в спешке имуществом в самом городе.

Никто из этих сорока пяти тысяч уцелевших солдат и офицеров не знал, что уже сутки, как Армонвайс занят морской пехотой врага, транспорты захвачены, а комендант крепости бежал на торпедном катере в затерянную в океане Мирру. Спасения не было, как не было и надежды. Армия была обречена, и многие офицеры в глубине души понимали это, но приказа

на капитуляцию не было – и колонны войск шли на юг, из последних сил и на последнем дыхании.

Дождь, не прекращающийся вот уже двое суток ни днем, ни ночью, еще более усугублял положение отступающей армии. Горные речки вздулись, снося жалкие деревянные мосты, и саперы выбивались из сил, наводя временные переправы.

Более тысячи машин, главным образом штабных и санитарных (зачастую вместе с умирающими ранеными и немногочисленным медперсоналом), было брошено на берегах бесчисленных речушек, стекающих с гор. Жизнь раненых была принесена в жертву призрачной надежде оторваться от безжалостного врага.

Толпы беженцев (чиновники с чемоданами и плачущими детьми, сотни местных полицейских, безоружных и жалких в своих опереточных мундирах, рабочие с балхских заводов и все те, кому приход врага не сулил ничего хорошего) запрудили шоссе и мешали бежать армии, кланча продовольствие и умоляя посадить на грузовики детей и женщин. Но никто уже ни из солдат, ни из офицеров не имел физических сил для помощи беженцам, и многие из беглецов, обремененные семьями и имуществом, обреченно садились на обочинах, с усталым безразличием глядя на проходящие колонны.

Катастрофа была полной и всеобъемлющей.

К концу второго дня поток людей и техники, текший через Пейракан, начал ослабевать. Канонада на севере затихла. Город настороженно стал ждать, что произойдет в ближайшие часы, когда последние регулярные войска маршала Креббса уйдут из Пейракана. Обыватели спешно закапывали в огородах столовое серебро и фамильные ценности, брошенные раненые и измученные сверх всяких пределов беженцы, отставшие от своих, сбились в жалкий табор на Пласа Майор, покорясь судьбе. Все с ужасом и замиранием сердца ждали прихода врага, сломившего в ходе четырехдневного сражения семидесятитысячную армию Креббса, словно веточку бамбука.

Около полуночи прекратился дождь, в это же время город оставили последние отступающие войска – батальон кханских стрелков. Смуглые узкоглазые солдаты, такие же измученные, как и все остальные, тем не менее, держали строй и шли довольно быстро, поминутно озираясь на север. Масляно блестели стволы винтовок и пулеметов на их плечах, хищно раскачивались длинные антенны полевых радиостанций. Замыкал колонну броневик, на башне которого, угрюмо уставившись в никуда, сидел командир разбитой под Лахор-беем Первой бригады кханских стрелков – молодой, но уже поседевший бригадный генерал в изорванном мундире и заросших грязью сапогах, еще совсем недавно – наследный кханский принц. Единственному уцелевшему из батальонов его бригады досталась сомнительная честь – быть последними войсками Империи в Северном Каодае. За спинами его кханских стрелков уже маячил враг – все такой же таинственный, как и полмесяца назад, когда началась эта кровавая бойня.

Через полчаса в звенящей тишине, опустившейся на город после прохода войсковых колонн и прерываемой лишь стрекотом цикад и стонами умирающих раненых, вдруг раздался еле слышный лязг, приближающийся к городу со стороны гор.

Мост через Равайо, подготовленный к взрыву саперами капитана Риджуэя, так и не был взорван – и теперь раненые, бессильные что-либо сделать, глухо матерились, проклиная все и вся и зная, что оставленный мост даст наступающему врагу несколько часов так дорогого сейчас времени.

Лязг нарастал. Он шел с севера, с гор, с полей так бездарно и кроваво проигранной битвы, и все, кто не спал в эту ночь в Пейракане (а не спал почти никто) все более и более ясно понимали, что у отступившей армии очень мало шансов оторваться от преследования. Слишком мощным и ровным был гул машин врага и лязг гусениц его танков, слишком измучены были прошедшие через город полки и батальоны Креббса.

Около часа ночи через мост промчался одинокий мотоциклист. В городе, две недели живущем в состоянии полной светомаскировки, луч его фары произвел ошеломляющий эффект. Но мотоциклист промчался через город и исчез на южном шоссе, и жители только гадали – к какой армии он мог бы принадлежать.

Во всяком случае, приближающийся лязг уже явственно различался на расстоянии не более двух-трех миль.

Наконец, в начале третьего ночи из-за холмов на равнину, лежащую севернее реки Равайо, по шоссе и справа и слева от него выползли густые колонны механизированной пехоты врага. Ревели моторы танков, бесчисленные синие огни грузовиков создавали жутковатый эффект напояния на город орды гигантских жуков-светляков.

Первые танки врага появились на мосту. Это были не жалкие танкетки королевской уланской бригады, сгоревшие в первые же дни приграничного сражения, и даже не легкие танки генерала Лорендейла, пытавшиеся спасти армию в день катастрофы на Ируане – это были приземистые широкие машины, мощные, с довольно серьезными орудиями в округлых башнях.

Словно принохиваясь, три первых танка осторожно поползли по мосту. Никто не стрелял по ним с этой стороны реки – дивизион резервной артиллерии, вооруженный пушками времен покорения Каодая, на деревянных колесах и со шрапнелью в зарядных ящиках, бесполезной против танков, три дня промокший под дождем в охранении моста, снялся еще утром, и теперь его капониры и огневые позиции были безжизненно пусты.

И вдруг... Никто из жителей и беженцев, с трепетом наблюдавших движение танков врага, в первое мгновение ничего не понял. Ярко-оранжевый столб огня вдруг поднялся над средним пролетом моста, через секунду до города докатился глухой рев взрыва. Первые танки, достигшие уже середины моста, исчезли в пламени взрыва.

Через минуту начался ад.

Колонны врага быстро стали разворачиваться, с буксировочных крюков грузовиков прислуга сноровисто стащила орудия, танки заняли позиции вдоль реки, развернув жерла своих пушек на город. Сотни ярких огоньков вспыхнули почти одновременно по всей линии войск наступающего врага – и через миг город потонул в грохоте и пламени артиллерийских разрывов. Огненные букеты вспыхивали повсюду, руша стены, обваливая крыши, с корнем выворачивая деревья в городском парке, калеча и убивая обезумевших беженцев, раненых и местных жителей, пытающихся спастись в подвалах своих рушащихся домов.

Вакханалия смерти продолжалась более двух часов – ровно столько понадобилось саперам врага, чтобы навести три наплавных моста через неширокую, но довольно бурную после прошедших дождей Равайо. Не было места в городе, где бы несчастные жители могли бы найти спасение от разрывов снарядов. На реке же деловито разгружались понтоны, и стук молотков саперов сливался с разрывами снарядов на городских улицах. Ни одной минуты не пропало даром – пока артиллеристы сравнивали с землей город, саперы создавали новые пути для прохода смертоносного полчища на юг, на Корасон, и дальше, к мангровым лесам южного Каодая и главному городу провинции – крепости и военно-морской базе – неприступному еще вчера Армонвайсу.

... С рассветом механизированные колонны войск генерал-лейтенанта Аун Бона вошли в растерзанный Пейракан. Впереди шли пятнисто-хищные бронетранспортеры легкой дивизии наследного принца, за ними двойной серо-зеленой стальной лентой – танковая дивизия генерала Бо Такина, за танками – бесчисленное стадо мощных тупоносых грузовиков с корпусом генерала Не Вина. За каждым грузовиком по кочкам и ямам вдрызг разбитого шоссе прыгала пушка, за некоторыми – полевые кухни и полуприцепы с амуницией. Шли лучшие войска Императора Островов, две недели тому назад высадившиеся в заливе Аоба и за прошедшие дни отвоевавшие своему властелину половину тропических владений Великой Западной Империи.

Легкие бронетранспортеры, шедшие в первых рядах, на мгновение остановились, открылись люки – и на улицы города выплеснулась волна солдат в желто-зеленом обмундировании. Императорские егеря принялись сноровисто обшаривать развалины домов, подвалы, уцелевшие здания, штыками добивая немногих уцелевших жителей, беженцев, расстреливая раненых солдат – потому что, как учит священная книга Такусидо, воин должен благородно погибнуть от пули.

Три часа над городом раздавался рев моторов и прерывающиеся крики умирающих людей, треск винтовочных залпов и короткие зычные команды офицеров егерей.

К полудню все было кончено. В Пейракане не осталось живых...

Часть первая

– А что, хлопцы, не поработать ли нам с клоунами из «Осттрансинвеста»? Вчера ихний боец сдал, что притарили из Германии фуру всякого барахла – конфет, шоколадок, праздничных наборов к Рождеству – штук на двенадцать зелени. Рождество – через три недели, а они сертифицируются в лучшем случае дней через десять. Отдадут на реализацию без базара, если возьмем без сертификатов, а? – сказавший это парень лет двадцати пяти искательно обернулся с переднего сиденья жухлого «Опель Кадета» к двум своим товарищам, сидевшим сзади.

– Нет конторы для кидняка. И с конфетами вожжаться лениво – даже за треть цены барыги берут с оттяжкой. – Ответивший был такого же возраста, в такой же потертой кожаной куртке и во всем напоминал водителя, как брат-близнец, вот только глаза у него были нехорошие – со злым прищуром, с затаенной ненавистью.

– Надо брать, если дают. Двенадцать косарей – это если за треть цены – четыре штуки, почти по полторы тонны баксов на каждого. Не шибко кучеряво, зато живое лаве. – Третий вступивший в дискуссию пассажир был поваляжней двух своих товарищей, одет в новое, хотя и не слишком дорогое «кашемировое» пальто (из турецкого, конечно, «кашемира»), носил очки в псевдозолотой оправе и старался изо всех сил казаться солидным и уверенным в себе коммерсантом.

– Ага, шас. Дают... Догонят и еще раз дадут. Надо контору достойную, да чтоб магазины свои были, на крайняк – точки на рынках. А так, за здорово живешь, они шиш нам что дадут. Так что кочумайте, думайте, как бабок накрутить. Скоро Новый год! – мрачно процедила кожаная куртка.

Водитель включил радио и из динамиков понесся «Атас». Задние закурили дешевенький «Бонд». Утреннее совещание мелкоуголовной группировки Вовика (так звали кожаную куртку со злыми глазами) началось с глубоких раздумий.

Мыслей было две. Первая – где взять денег, чтобы заправить прожорливый, несмотря на вопиющую микролитражность, «Опель» (эта мысль тревожила главным образом водителя), вторая, исконно русская – что делать. Причем «делать» не в смысле как заработать денег, а что сделать, чтобы получить их способом наименьшего сопротивления с минимальной затратой физических и умственных сил – проще говоря, где их украсть.

– Давай скокнем к Мордатуму. У него висит контора, уже месяц хочет отдать. Просит полторы штуки. Может, сговоримся на кредит? – Водитель все же пытался провести в массы свою идею.

Массы вяло реагировали.

– Мордатуму живые бабки нужны. Он нам в кредит и на полтинник не поверит. – вальяжный пассажир, в миру Андрей Чешко, по кличке Чешир, все же заинтересовался идеей.

Деньги были нужны позарез. Никто из троицы не работал (да и не собирался делать это в принципе), а красивая жизнь, на которую так жадно смотрят подростки из рабочих кварталов, стоила жутко дорого. «Красивая» – опять же по понятиям заводских окраин, то есть водка от пуза, любая жратва из «Макдоналдса» (предел мечтаний детства), доступные девчонки, в идеале – сауны и рестораны, шикарные иномарки. На все это требовались деньги, и сейчас решался вопрос, как их раздобыть.

– Чешир, кинь денег на керосин. «Опель» жрать хочет. – Водитель снова искательно посмотрел на вальяжного пассажира.

– Кто бы мне дал... – протянул вальяжный, но понимая, что без машины все дальнейшие действия невозможны (ну как это крутые парни будут ездить на муниципальном транспорте?), начал копаться в бумажнике из крокодиловой кожи (подбрили в прошлом месяце на вокзале у заезжего лоха из Москвы). Увы, поиски были напрасны – из всех отделений шикарного лопат-

ника на свет были извлечены лишь полтора десятка помятых сотен – на литр девяносто второго.

– Вовик, идеи за бензин есть? – поинтересовался водитель у вождя.

– Идеи есть. Нет материально-технического обоснования. – Лениво отозвался вождь.

Но делать что-то было надо. Слава богу, у Вовика наличествовала добрая мама, которая считала, что шалости ребенка никак не могут быть причиной недовольства участкового. Она то и должна была стать (как обычно) спонсором шайки, хотя бы на бензин.

«Опель» тронулся. До дома Вовика было недалеко, и водитель надеялся, что старик-немец дотянет эти три километра на тех каплях, которые еще есть в баке.

Немец не подвел. Пока Вовик уговаривал маму дать денег на бензин (ехать к больной тете Саши Жуковского, как звали водителя), оставшиеся в салоне продолжали разрабатывать планы быстрого и легкого зарабатывания денег.

– Послушай, Чешир, а что с той идеей насчет магазина? Ну, взять лавку типа в аренду и набрать на нее товару, а потом продать все по-быстрому за полцены и срезать? Может, проканает? – водитель нетерпеливо хрустнул пальцами.

– Может, и проканает, да где взять такой магазин? Дураки лавочники, ты думаешь? Это ж самым в петлю лезть. Мы срежем, а к ним придут. Нет, дураков нынче найти трудно. Ты бы, Жук, закончил с той картошкой, что начал с москвичами. Это интересно.

– С москвичами надо в честную. А в честную много не заработаешь – от силы по сотке на фуре.

– А ты попробуй слить бабки на помойку, да и объявить, что тебя кинули. Может, схлещет?

– Нет, не буду. Сработаю в чистую. Себе дороже – они прежде чем начать со мной работать, со всех моих документов копии сняли и по месту жительства отзвонились. Найдут в шесть секунд.

– Жаль. Ну да ладно, тебе видней.

– А может, все же «Осттрансинвест»?

– А контора?

– Возьмем «Минастрейд», как в прошлый раз.

– «Минастрейд» у ментов запалился. Даже не думай про него. Ты, Жук, фантазер. Реально сейчас мы голые и босые, надо что-то простенькое, хотя бы соток на пять придумать. А ты все сложные схемы рисуешь. Кинь играть. – Чешир демонстративно отвернулся к окну.

Водитель понял, что товарищи по оружию никак не могут простить ему его работы с московской фирмой, для которой он искал и закупал картошку урожая этого года, разыскивая самые убогие колхозы, которые рады любой живой копейке. Но своя рубашка ближе к телу – делится результатами своего труда (в виде скромного, но все же постоянного жалованья) ему было не с руки.

Тогда водитель переменял тему.

– Слушай, Чешир, вот ты пацан образованный, даже в университете учился. Скажи, есть такая местность Каодай?

– Откуда я знаю? – Искренне удивился вальяжный. – Может, где и есть, а зачем тебе?

– Да сон какой-то сегодня снился. Даже не совсем чтобы сон, потому что проснулся я часов в шесть, а вся эта муть вживую мерещиться.

– Какая муть? – живо заинтересовался Чешир.

– Ну, типа война какая-то, а я в ней участвую. Только душат наших типа японцы, такие же желтые и узкоглазые. Ну, меня и послали в горы Каодай, к какому-то мужику типа шаману или старосте, я не просек, а он должен мне что-то рассказать. Да только как солнце показалось на кухне – все оборвалось. Даже жалко. А такой сон понтовый, аж за сердце берет. Прямо жаль, что оборвалось, смотрел бы и смотрел.

– Ну ты блин даешь! Мне сны все больше с телками, или, когда запалились с кофе, проментов, как они нас вяжут – аж пот холодный во сне прошибал.

– Так я ж и говорю – не совсем сон. Такие типа глюки – ну как бывают, если «Момент» нюхать или там кокса всосать. И все вживую мерещится. И разговоры – вроде я по чужому балакаю, и со мной на таком же языке – а все понятно, хоть и не по-русски. Чудно! Говорю, как дурь какая. Круче анаши!

– А ты что, подсел? – с подозрением глянул на водителя вальяжный.

– Да нет, просто думаю, что так и бывает. – стал оправдываться водитель.

– Смотри, Жук, мы нариксов не держим. Подсел – свали по-хорошему!

– Ну ты уперся, блин! – возмущение водителя было совершенно искренним. – Я же тебе говорю, что все как наяву, только невзправду. И работает само, без меня. Я только смотрю и удивляюсь. И как объяснить – не знаю. Только жуть как интересно.

Тут в машину ввалился Вовик.

– Гуляем, бродяги! Звонил Мордатый, просил постоять с его машиной на базаре. Если отдадим за пятерик – все, что сверху, наше! – Вовик весь светился от предвкушения легких и почти законных денег.

– Его «бимер» будем толкать? – спросил водитель.

– Ну а то. У него знатная «бэха», салон «Рекаро», литухи, все навороты, кожа. Такую за шесть штук можно отдать – если толково поговорить с покупателем.

Коллеги уважительно посмотрели на Вовика. Что-что, а говорить с покупателями на авто-рынке он умел. Даже не с целью обуть доверчивого лоха – машины были страстью парнишки с заводской окраины. О хорошей машине он мог говорить часами, выставляя на всеобщее обозрение ее достоинства и мастерски обходя любые возможные недостатки.

На ближайшей заправке в бак «Опеля» влили двадцать литров девяносто второго, купленного на деньги доверчивой мамы. И с музыкой трио помчалось на окраину, к Мордатову – довольно известному полукриминальному дельцу, занимающемуся далекими от цивилизованного бизнеса делами, но все же не уголовнику.

На дворе был декабрь, но было не по-зимнему тепло. Постоять при такой погоде на рынке не трудно, тем более, что Мордатый всегда выделял «командировочные» – десять – пятнадцать тысяч на чай и бутерброды.

Через полчаса они были во дворе, где, сияя перламутром только что вылизанного кузова, стояла «БМВ-525». На крыльцо вышел Мордатый.

– Вот что, пацаны, – приветствовал он троицу. – Берите документы, доверенность и чешите на базар. Продадите к вечеру – будете героями, с меня сауна. Все, что выше пятерки – ваше. Но продать сегодня. На завтра у меня есть другие спецы – почище вас, пожалуй.

– Об чем речь, начальник? К обеду толкнем! – оптимизм Вовика был совершенно искренним.

– Ну смотри, только продай. Буду на вас надеяться. – С этими словами Мордатый передал Чеширу стопку документов, ключи и две красные бумажки. – А это чтоб с голоду не сдохли. Небось бабок нет?

– Откуда бабки у пролетариев? Живем свентым духом! – Вовик любил ввернуть польское словцо, набравшись их за период своей недолгой (и провальной) карьеры челнока на варшавском базаре.

За руль БМВ сел Чешир – ему Мордатый доверял больше, зная его осторожность. «Опель» с остальными героями тронулся вслед за сверкающей иномаркой.

Проезд на рынок был довольно трудным – ведь стоявшие на входе дядьки требовали оплаты за въезд, что совершенно не входило в планы троицы. Поэтому БМВ был объявлен машиной московского авторитета, и был даже выдан его домашний телефон (в святой надежде,

что звонить никто не станет – телефон был в самом деле известного бандита, но если бы он узнал, что какая-то шпана смеет прикрываться его именем – порвал бы на тряпки).

Стали на неплохом месте – недалеко от входа, возле лавок с шашлыками и чебуреками.

– Ну что, Жук, гони за пайкой. Мы тут без тебя пока поторгуем. – Вовик вошел в привычную роль командира.

– Возьми по шашлыку и чебуреков на остальные. Не жалея бабки, все равно чужие. – Чешир не преминул уточнить меню.

Водитель вышел из шикарной иномарки. Старичка «Опеля» оставили на входе, совершенно не опасаясь угонщиков – на такую рухлядь вряд ли кто позарится.

Базар кипел и бурлил. Торговля шла активно, покупателей было больше, чем продавцов (что в последнее время стало довольно редким явлением). Повышение ввозных пошлин на европейское старье в соседней России подбадривало народ.

Жук подошел к армянам, умело управляющимся с соблазнительно пахнущими шашлыками.

– Ара, три шашлыка и на остальное – чебуреков. – Жук щедрым жестом выбросил на прилавок две десятитысячные бумажки.

– Бери, какой на тебя смотрит! – Шашлычник указал на готовые шампуры, одновременно упаковывая груды чебуреков в пакет.

Взяв тарелку с шашлыками в одну руку, пакет с чебуреками в другую, Жук на мгновение остановился, затем нерешительно сказал торговцу:

– Послушай, браток, ты человек южный. Тут такая беда – надо мне знать, что за местность Каодай. Ты не в курсе, может, в ваших краях что-то похожее проходит?

– Нет, не знаю. Может, где-то и есть, но не у нас, в смысле не на Кавказе. Это что-то азиатское. Вон в углу вьетнамцы открыли ресторанчик, спроси у них – по звуку на их названия подходит – там всякие Ханой да Куала-Лампуры.

Жук подошел к БМВ. Вовик уже пел соловьем какому-то плотному дядьке лет сорока пяти, на все лады расхваливая как все автомобили известного баварского концерна, так и в особенности прелести именно этой данной машины. Дядька явно плыл, он был уже в той стадии, когда красноречие продавца пробило брешь в обороне здравого смысла и когда покупатель уже не представляет себя за рулем иной, чем данная, машины.

Чешир оглянулся на водителя, улыбнулся во весь рот.

– Ага, вот и пайка!

Вовик недовольно оглянулся на Чешира. Сейчас он был в своей стихии и не любил, когда прерывают его тщательно выверенную речь.

– Когда ты нажрешься? Вроде наел уже пачку, пора бы завязать. Так нет, все молотит в два горла. С таким аппетитом ни в жизнь такую тачку не поимеешь – будешь, как лох, пешим порядком шкандыбать! – Вовик вообще не был склонен к риторике, но из-за непланового прерыва мог соскочить выгодный клиент.

Впрочем, клиент не собирался соскакивать, и это немного успокоило командира. Вовик панибратски хлопнул дядьку по плечу:

– Короче, брат, мы пока порубаем, а ты сядь в машину, привыкни. Оцени кожу на седушках, послушай, как музыка. В общем, обживайся!

Клиент, кряхтя, полез в машину. Компаньоны лихорадочно стали рвать зубами сочное душистое мясо, закусывая чебуреками. Жизнь вроде удалась, во всяком случае, на данный момент.

Покончив с пайкой, Вовик юркнул в салон, дожимать клиента. Жук же, собрав мусор, оставшийся от непродолжительного пиршества, и выкинув его в мусорный бачок (местные заправилы требовали порядка, ссориться с ними не хотелось) пошел в угол рынка, где маячила вывеска «Сайгон».

На подходе к ресторанчику он столкнулся с юрким вьетнамцем, несущим здоровенные пакеты с какой-то зеленью.

– Слышь, браток, помощь твоя нужна! – Жук не был уверен, что вьетнамец его хорошо понимает, но к своему удивлению услышал довольно правильную речь.

– Какая помощь? – Вьетнамец остановился и внимательно посмотрел на водителя.

– Ну короче, типа справки хочу получить. Местность такая, Каодай, есть в ваших краях?

Вьетнамец подумал минуту, затем решительно ответил:

– Ты неправильно слышал. Не местность Каодай, а император такая был вьетнамский, японец его поставил. Не Каодай – Бао Дай. А еще секта такая была – но давно уже не слышать о ней.

– Да нет, – поморщился Жук, – не император и не секта, именно местность!

– Тогда не знай. Или стой – через три минута придет человек, с ним поговоришь.

Делать было нечего – Жук остался стоять у входа в ресторанчик.

И через минут пять к нему действительно подошел точно такой же вьетнамец (Жук мог поклясться, что это родной брат-близнец первого) и спросил неторопливо:

– Ты кто?

– Местный. – Вопрос был обыкновенный, но что-то в тоне вьетнамца было необычным. Жук подобрался, предчувствуя что-то не совсем простое.

– Тот человек, что с тобой разговаривал, мне передал. Откуда слышал Каодай?

Нужно было рассказать новому вьетнамцу про дурацкий сон, но что-то остановило Жука в последний момент.

– Да так, в книжке прочитал.

Дурак из меня делаешь? Зачем?

– Почему дурака? Говорю же русским языком, в книжке прочитал. – Жук понимал, что оправдание неважное, но наступательный тон вьетнамца смутил его. Вьетнамец внимательно посмотрел в глаза Жуку, качнул головой, печально улыбнулся.

– Вот что, местный. Будет много слов. Будет много имен. Не спрашивай никого ни о чем, жди до конца. А потом сам решишь, что делать. И если решишь правильно – успеешь до рассвета.

Вьетнамец решительно повернулся и пошел в ресторан.

Жук растерянно стоял, не зная, что делать дальше. Вот черт узкоглазый! Ведь явно же что-то знает, а туману напустил – черта лысого разберешь! Азиат, одно слово. То ли бежать за вьетнамцем, хорошенько расспросить, а если узкоглазый не станет колотиться – кликнуть дружбанов. С другой стороны, а что он вообще хочет узнать? Просто что-то со вчерашнего утра стало беспокоить его, что-то не совсем обычное, чему он не мог подобрать названия. И не интересно вдруг ему стало, сколько они возьмут за «бимер», как поделит бабки Вовчик, сколько откосит себе и сколько кинет на братву – вопросы, еще вчера более чем насущные.

Растерянный, он поплелся к машине.

Торговая сделка практически завершалась. Компаньоны и изрядно вспотевший покупатель уже садились в машину, чтобы ехать в магазин оформлять документы.

– Где тебя черт носит? Погнали в магазин, оформимся. До обеда должны успеть. – Вовик в предвкушении завершения сделки нервничал, говорил на повышенных тонах, но Жук не обратил на это внимания. Молча сел на заднее сиденье, уставился в окно.

К часу дня коммерция была закончена. Мужик выплатил тройце пять с половиной тысяч долларов, получил на руки все необходимые документы, ключи, и, все еще под впечатлением активной пропаганды Вовика, уехал в свой Бобруйск.

– Ну что, пацаны. Наши – полштуки. Как будем делить – по-честному или по-братски? – задал традиционный вопрос Вовик, когда они уселись в свой старенький драндулет и тронулись к дому Мордатого.

– Как всегда. – Жук был лаконичен.

– Возьми себе триста, нам с Жучилой по сотке. Будет по-честному. – Чешир в вопросах распределения долей тоже не чужд был некоторой справедливости.

– Законно. – Вовик отсчитал свою долю (новыми сотками), засунул ее в глубокий внутренний карман, затем отсчитал деньги коллегам.

Чешир взял свои деньги не без некоторого радостного трепета, минут пять любовался двумя новенькими полтинниками. Деньги он любил и уважал, значительно больше всего остального.

Жука же приход суммы, как минимум равной зарплате старенькой мамы, технички в средней школе, почему-то совсем не обрадовал. Машинально он сунул деньги в карман джинсов, равнодушно глядя на дорогу сквозь мутное, в трещинах, лобовое стекло.

– Жук, ты чего такой смурной? Чистые бабки, без криминала. Маме отстегнешь полтинник, девка твоя запищит от восторга. Веселись, деревня! – Вовик был раздосадован недостаточной степенью ликования своих орлов по поводу собственной такой легкой и красивой финансовой победы.

– Молодец ты, базару нет. Красиво спел дядьке, толковую сумму ломанул. Я что, я рад. – Но было видно, что вот радости-то никакой у водителя нет.

В настороженной тишине доехали они до дома владельца благополучно проданной машины.

Честно рассчитавшись с Мордатим, троица разделилась – каждый собирался отпраздновать это событие самостоятельно.

Приехав домой, в типовую панельную девятиэтажку, Жук стал ждать мать. Посмотрел свежий боевик, сварил куриный суп (на часть заработанных денег, вопреки обыкновению, закупил домой продуктов, и, почему-то в последний момент вспомнив, что мама любит сервелат – купил изрядную палку этой колбасы). Что-то мешало радоваться жизни, мешало ощущать себя денежным и крутым пацаном.

Взяв трубку, позвонил Алесе.

– Здорово, заяц. Это я. Чем промышляешь?

– Саша? Привет, привет! А что ты днем звонишь? Я только к вечеру освобожусь, если хочешь – заедь к пяти, может, куда сводишь? – У его девушки Алеси, парикмахерши в затрапезном салоне, в жизни все было просто и понятно. Если звонил ее парень – значит, у него появились деньги и можно провести время достойно и весело. Впрочем, запросы у нее были невелики, кафе в центре или модная дискотека были пределом ее представления о шикарной жизни.

– Свою, базару нет. К пяти не смогу, маму хочу дожидаться. Подгребу к семи, будь как штык. – В ответ услышав бесконечную очередь заверений «буду, буду, всенепременно к семи и как штык», положил трубку.

Что-то все равно было не так. Из-за погоды, что ли? В декабре у него часто случалась беспричинная хандра. Может, из-за невероятно короткого светового дня?

Декабрьский день за окном перевалил на свою вторую куцую половину, солнце еще трепыхалось на окраине небосвода, но уже в четверть силы. Предчувствие чего-то важного и значительного вдруг резануло Жуку грудь. И вся его предыдущая жизнь вдруг на какое-то мгновение показалась глупой и бессмысленной. Но видение это исчезло, как и появилось – вдруг, внезапно. Тяжесть, навалившаяся на душу, тоже вдруг прошла, стало как-то легче и теплей.

К пяти пришла мама, охая, стала стягивать промокшие сапоги, из коридора спросила встревоженно:

– Саша, сынок, ты дома? Случилось что? Не заболел?

– Да нет, мам, все в порядке. Денег сегодня заработал – помог Ладутке машину продать. Возьми на хозяйство.

– С чего бы ты это вдруг? Раньше все с друзьями прогуливал да на Алесю эту бестолковую тратил. Или какие ворованные? – В голосе матери слышалось неподдельное изумление, смешанное с доброй долей тревоги.

– Нормальные деньги. Только американские. Поменяешь, когда наши будут нужны. – И, сам себе удивляясь, выдал матери две двадцатидолларовые бумажки, оставив себе полтинник и мелочь в национальной валюте, оставшуюся после магазина.

Мать внимательно поглядела на сына.

– Сынок, вечером дома будешь или как?

– Схожу с Алесей в «Макс-шоу», попляшем.

– Ну сходи, только приходи пораньше. Пока ты не пришел – мне не заснуть, ты уж меня пожалей.

– Добре, к двенадцати явлюсь.

Потом, подумав, спросил мать, немного волнуясь:

– Мам, а у нас никаких родственников типа азиатов нет? Ну, или там каких друзей отцовских – навроде вьетнамцев там или еще каких узкоглазых?

Мать задумалась. Но через несколько секунд решительно махнула головой:

– Отец служил в Камрани какой-то, моряком. Это где-то не то во Вьетнаме, не то в Китае. Он, как женился, все байки об этой Камрани плел, да только я уж не помню – давно это было. – Мать еще более удивилась. Таких разговоров между ними раньше не было.

– А про Каодай он ничего не говорил?

– Ну, сынок, откуда ж я помню. Уж больно давно это было.

– Жаль. – Впрочем, видно было, что Жук и не надеялся получить какую-то информацию от матери, а отец уже пять лет, как отдыхал на Северном кладбище – сгубило его, как и большинство остальных мужиков, плодово-ягодное вино, дешевое и ядовитое, как ацетон.

В половину седьмого, переодевшись в чистые джинсы и свитер, Жук спустился к машине. На улице было темно, в декабре солнце уходит рано.

Он открыл дверь из подъезда...

Танки стояли по обочинам шоссе, несуразно железные и нелепые среди пальм и кустов квелы. Возле них деловито сновали маленькие фигурки танкистов, изредка по дороге проносился штабной мотоциклист или на рысях проходил взвод кавалерии.

Второй лейтенант Меррит обогнул голову танковой колонны и вошел в штабную палатку. Генерал Лендсбери обернулся, и, увидев своего адъютанта, приглашающе махнул рукой.

– Давайте, лейтенант, давно вас ждем. Докладывайте.

– Ваше превосходительство ...

Генерал Лендсбери поморщился.

– Лейтенант, не надо лишних слов. На войне они раздражают. Мы не в штабе учений на Канаане.

Меррит понял, что генерал решил немного поиграть в военную демократию, показать себя остальным офицерам штаба мудрым вождем и отцом солдатам.

Лейтенант придал себе значительности и доложил серьезным голосом (в меру своих сил, конечно):

– Из штаба маршала Креббса. Первое – морская разведка по состоянию на полдень вчерашнего дня докладывает – противник разгрузил в заливе Аоба, северо-восточнее Тенассарима, около ста транспортов с войсками, предположительно – два моторизованных корпуса. Второе – авиационная разведка докладывает, что в настоящий момент колонны врага движутся к реке Ируан по Топальскому шоссе через Чанфанский перевал, с целью перерезать наши владения в Каодае в самом опасном месте. В течении ближайших суток они должны вторгнуться во владения Империи в Каодае. Наша пограничная уланская бригада занимает

позиции у Тасмаи-Бона, но сдержать натиск врага вряд ли сможет. Максимум – задержит его на несколько часов. Исходя из этого, маршал приказал нашей бригаде, приданному танковому батальону и туземной кавалерии – оперативной группе генерала Лендсбери, как мы сейчас называемся в штабе маршала – двигаться на север к Тенассариму, занять предмостное укрепление на Ируане в районе Бахадур-Йонга и левым флангом соединиться с правым флангом Первой бригады кханских стрелков, общая цель – оборонять оба моста, железнодорожный и шоссе. Правый наш фланг будут прикрывать егеря Шестой егерской – они уже на марше, завтра к полудню будут на месте. Исполнение донести к девяти вечера завтрашнего дня. До Тенассарима что-то около шестидесяти миль, за двадцать часов мы должны успеть – во всяком случае, так считают в штабе маршала.

Генерал поморщился.

– Что за страсть у маршала к ночным маршам? Бригада три недели, как прибыла из Норд-ланда, еще не привыкла к тропической жаре. Ночной марш по джунглям для нас – самое худшее из возможных испытаний.

– Ваше превосходительство, – начальник штаба бригады полковник Роджерс почтительно, но довольно твердо возразил командиру бригады – Мне кажется, ночной марш – лучшее, что мы можем предпринять в условиях возможного господства в воздухе авиации противника. Повторяю, возможного – мы не знаем, закончили ли инженерные части Окумии достройку аэродрома в Краун-Лесси. Поэтому ночь – наше время, тем более – скрытность марша нам обеспечить больше нечем.

– Знаю, знаю. Поэтому и приказываю через час выступить на Тенассарим хайдарабадскому кавалерийскому полку, через два часа – гренадерской бригаде. Танковый батальон будет арьергардом. Гринуэй, пишите приказ на марш. – Генерал всегда считался с мнением своего начальника штаба, поскольку всю свою жизнь прослужил в частях метрополии и терялся в колониальной неразберихе, Роджерс же никогда не покидал Каодая и прошел здесь все ступени карьерной лестницы. Молодым лейтенантом он участвовал в покорении Каодайского ханства, командовал затем ротой шанской туземной пехоты, командиром батальона этой же бригады прошел короткую, но яростную войну с самозванным наследником Балхского ханства, был инспектором кавалерии, на нынешний пост пришел с должности начальника штаба каренской егерской бригады. Он знал туземные войска и, в отличие от подавляющего большинства офицеров, всерьез надеялся на их боеспособность.

Работа закипела. Штаб принялся деятельно готовится к ночному маршу, забегали посыльные, офицеры ежеминутно выходили и входили в штабную палатку, мелькнул командир хайдарабадских улан – высокий сухопарый старик-полковник в черной шелковой чалме, в оливковом мундире, с цветастой колодкой имперских орденов на груди.

Роджерс отвел лейтенанта Меррита в сторону.

– Вот что, лейтенант. Вы мне кажетесь исполнительным и толковым офицером, к тому же вполне джентльменом. У меня будет к вам некое поручение, о сути которого я бы не хотел, чтобы знала хоть одна живая душа. Пока.

Меррит напрягся. Наконец-то и ему предстоит хоть что-то важное. Откровенно говоря, ему изрядно надоела служба «подай-принеси-сбегай-узнай» и он хотел получить любое задание, связанное с настоящей службой.

– Господин полковник, буду рад оказаться полезным.

– Боюсь только, как бы не оказалось это задание слишком тяжелым для вас. Вы ведь не служили раньше в колониях? – В вопросе полковника было что-то, что заставило лейтенанта насторожиться. Черт его знает, этого одичавшего в джунглях полковника, как бы не приказал ему, лейтенанту Мерриту, лично пристрелить Аун Бона!

– Нет, но в прошлом году вместе с бригадой участвовал в учебной высадке на Канаан. – Лейтенант немного покраснел. Нельзя было даже в общих чертах сравнивать те учения с пяти-

часовым чаем и обязательными противомоскитными сетками в офицерских палатках с тем, что сейчас начиналось в Каодае.

Полковник махнул рукой и поморщился.

– Я не говорю о балете.

– Тогда – нет, не служил.

– Ладно, может быть, все окажется не таким уж и страшным. Тем более, с вами будет еще один офицер, вот он знает эту местность как свою ладонь. Пройдем в мою палатку.

Палатка полковника оказалась значительно проще, чем жилище генерала Лендсбери. В углу, за разборным столиком, сидел офицер в ослепительно белом мундире каренских егерей. Когда Роджерс с лейтенантом вошли, он встал.

– Лейтенант, позвольте представить вам поручика У Тао, он будет вашим спутником в предстоящем походе.

Поручик щелкнул каблуками и поклонился. Был он невысокого роста, довольно щуплый, похожий на мальчишку. Но взгляд его узких черных глаз был решительным и смелым, и, присмотревшись к нему, Меррит почувствовал скрытую силу в его небольшом жилистом теле.

– Второй лейтенант Меррит, адъютант командира бригады. – Полковник счел представление законченным и пригласил офицеров к столу.

– Господа офицеры, суть моего задания в следующем. Вам надлежит незамедлительно отправиться на восток, пересечь Ангорский хребет по горным тропам и проселочным дорогам и убедиться в существовании дороги, якобы пятьдесят лет назад проложенной шанскими монахами от городка Лагиш на северо-восток, к заливу Аоба. Наши карты по ту сторону хребта обозначают сплошное гористое бездорожье, вплоть до океана, но за все тридцать лет, что мы владеем Каодаем, управление вице-короля не удосужилось выслать на ту сторону приличную топографическую экспедицию. Все, что мы знаем о дорогах на востоке Каодая – то, что их нет.

Но, как вы сами прекрасно знаете, нынешняя война – исключительно война вдоль дорог. Ни мы, ни противник не рискуем углубляться в джунгли, поэтому, если эта дорога существует – у нас появляется лишний козырь в рукаве. Срок – четверо суток.

– Господин полковник, откуда сведения об этой дороге? – лейтенант Меррит недолго служил в Каодае, но даже за этот маленький срок понял, как важны дороги в джунглях. Войска, обремененные артиллерией, обозами и штабами, вынуждены маневрировать только по дорогам. А их было всего три – магистральное шоссе и железная дорога через весь Каодай, из Армонвайса, через Корасон (от него шло ответвление на восток, на затерянный в джунглях городишко Лагиш) и Пейракан до Тенассарима, и Топальское шоссе, ведущее из пограничного Тенассарима до залива Аоба через высокогорный Чанфанский перевал. Был еще десяток проселочных дорог, ведущих от главного шоссе к плантациям камеи, старинная, мощеная шести-гранными плитами дорога от Балха на север, исчезающая в непроходимых болотах Лингаена, да несколько коротких ответвлений к горным поселкам, построенным вокруг балхских деревообрабатывающих заводов. Остальную территорию Каодая можно было смело объявлять бесполезной для войск и, самое главное, для техники.

– Можете считать, что от меня. Когда я служил в бригаде шанских стрелков, мне однажды довелось слышать об этой дороге. Тогда эти сведения были бесполезными – по этой дороге нечего было вывозить, ведь плантации камеи, лес балхских заводов и оловянные и молибденовые руды с Шортландского месторождения были по эту сторону Ангорского хребта. Теперь же, когда мы вступили в войну в столь невыгодном положении, я надеюсь, что эта дорога хоть немного уравнивает шансы.

– Почему невыгодном? – удивился Меррит. – У нас в строю семьдесят пять тысяч штыков и сабель, а если прибавить каодайское ополчение – то все восемьдесят. Две танковые бригады – а это как минимум двести танков, и самое главное – кавалерийский корпус Марджерета. Шесть кавалерийских полков регулярной кавалерии, не считая трех туземных!

Роджерс поморщился, словно от зубной боли.

– Лейтенант, я уважаю ваше мнение, но время атак в конном строю прошло еще пятьдесят лет назад. Если не сто. Марджерет погубит свою кавалерию в первом же сражении и погибнет сам – я служил с ним, когда он командовал императорскими кирасирами в пору покорения Каодая, и хорошо знаю, чем закончит его корпус. Вообще это бездарное решение умников из Генерального штаба прислать сюда половину гвардейской конницы Империи будет нам стоить чрезвычайно дорого.

– Так что же, ограничиться никчемными туземными войсками? – в запале произнес Меррит и прикусил язык – глаза У Тао потемнели, хотя на лице не дрогнул ни единый мускул.

– Никчемные туземные войска, как вы изволили выразиться, вынесли на своих плечах всю Каодайскую кампанию. Тогда это были, правда, полки из Халистана, но все равно – среди частей, пришедших в Каодай, из метрополии было от силы шесть батальонов, да офицеры у туземной пехоты были наши с вами соотечественники. Зато в Такинском походе участвовали уже местные бригады – и они отлично показали себя в той войне. И сейчас я бы не набирал в спешке землепашцев-каодаев в бесполезное ополчение, а поставил бы в строй шанов, каренов и кханов, сформировав из них не по две бригады, как позволили мудрецы из имперского штаба, а как минимум по корпусу. И тогда враг был бы повержен, несмотря на свое техническое превосходство.

– Господин полковник, а разве мы уступаем врагу в технике?

– Лейтенант, вы же последние три дня провели в штабе маршала. Разве вы ничего не слышали?

– Наша пограничная уланская бригада отступила от Чанфанского перевала... в некотором беспорядке. А что?

– Уланская бригада очень скоро перестанет существовать. Превосходство танков врага на поле боя будет абсолютным, и наши «Клотильды», верх технической мысли десять лет назад, окажутся против них столь же бесполезными, как и танкетки улан. Впрочем, сценарий будущего сражения не есть предмет нашего разговора. Вернемся к нашим баранам.

Лейтенант плохо слышал последние слова полковника. В штабе маршала царили совсем другие настроения, но холодная уверенность Роджерса угнетала своей справедливостью. Действительно, армия была катастрофически неготова к войне, и Меррит подсознательно гнал от себя эту мысль все последние дни – хотя видел толпы необученных новобранцев в строю идущих на север частей, малочисленность пулеметов, устарелость полевой артиллерии, и самое главное – моральную неготовность офицерского корпуса сражаться и умирать.

– Итак, господа, ваш бронетранспортер готов. Возьмете с собой трех каренских егерей и отправляетесь к поселку Саравак. До него по прямой около пятидесяти миль, по дорогам же и тропам – около ста двадцати. Там найдете местного старосту – Ван Мо. Он мой бывший взводный унтер-офицер, ныне – отставник на покое, и хотя человек весьма своеобразный, но верный. Это он рассказывал о дороге. Вполне может статься, что никакой дороги в действительности нет. В этом случае возвращайтесь в Пейракан – я думаю, к этому времени мы будем там. Если же дорога есть – пройдите по ней до залива Аоба и по ней же возвращайтесь в Лагиш – скорее всего, мы успеем к этому времени отступить до Толосы. Не думаю, что мы будем в состоянии отбросить Аун Бона назад, за перевал. Скорее всего, нам придется отступить от Ируана на юг, вверив северный Каодай провидению.

– Нам нужно будет купить лошадей. – Это были первые слова поручика У Тао.

– Да, действительно. Я об этом думал. – С этими словами Роджерс открыл сейф, достал оттуда кожаный мешочек, развязал его. На стол выкатились желтенькие монеты.

– Здесь восемьдесят золотых арманов последнего каодайского хана. Наши банкноты, скорее всего, сильно упадут в цене в очень скором времени, а этих денег хватит на пять-шесть лошадей горной шанской породы – то, что вам нужно.

Меррит смутился. Он довольно посредственно сидел в седле и сейчас хотел сказать об этом полковнику, но потом подумал, что он может счесть его слова завуалированным отказом от задания и промолчал.

Втроем они вышли из палатки Роджерса. Вдоль дороги горели костры, лагерь без суеты сворачивался, чтобы выступить на север, к Ируану. Полковник и оба офицера остановились у небольшого костра, возле которого четверо гренадеров торопливо доедали из своих котелков немудреный солдатский ужин.

Мимо них в конном строю проходили хайдарабадские уланы – смуглые, рослые, молчаливые, все как на подбор в черных шелковых чалмах, у многих на груди были медали за Такинскую войну. В неверных отблесках костра сверкало оружие, колыхались длинные пики, все в этих воинах говорило о том, что враг будет жестоко наказан за свое вероломство. У Меррита вдруг сжалось сердце от внезапного острого предчувствия неминуемой беды.

– Им не пережить эту битву. Пусть все они попадут в рай – видит бог, они это заслужили – это были слова маленького поручика. Меррит с изумлением оглянулся.

У Тао стоял навытяжку, приложив руку к козырьку фуражки. Лицо его было бесстрастным, и только в уголках глаз Меррит увидел две капли.

Лейтенант понял, почему так сжалось его сердце. Уланы ехали молча, не ржали их лошади, почти не слышно было звяканья оружия и упряжи. Они уже стали теньями. Они уходили в небытие, и Меррит остро почувствовал это.

Полковник оторвал их от мрачных дум.

– Вот ваш бронетранспортер. Припасы загружены, солдаты готовы. Отправляйтесь. Старший – второй лейтенант Меррит. – И он указал на пятнистую, ошетилившуюся двумя пулеметами «рысь», возле которой стояли три каренских егеря – таких же щуплых, как и их поручик, в таких же ослепительных белоснежных мундирах.

У Тао приказал своим солдатам:

– Переоденьтесь.

Те быстро скинули мундиры, так же быстро натянули желто-зеленые куртки и широкополые шляпы. Теперь они почти сливались с окружающей местностью, и Меррит запоздало подумал, что и ему следовало бы сменить свой синий мундир с серебряными погонами и аксельбантом на что-нибудь такое же практичное.

– Вам, лейтенант, не стоит переодеваться – в горных деревнях очень большое значение люди придают мундиру. Вы будете как бы полномочным представителем властей, на первых порах это нам поможет. – У Тао проговорил это почтительно, но Меррит все же почувствовал в его словах легкую иронию.

– Поручик, я попрошу вас свою иронию оставить при себе. Я новичок в тропиках, но приказ получили мы оба. И командую походом я. Извольте об этом помнить.

У Тао несколько смутился.

– Извините, господин лейтенант, я ничего плохого не имел в виду. Просто действительно, уж разрешите быть откровенным, вид ваш несколько выбивается из общей картинки.

Меррит поморщился. Мундир адъютанта гренадерской бригады, которым он так гордился на светских приемах, в джунглях был нестерпимо нелеп, и второй лейтенант прекрасно это чувствовал.

Они сели в бронетранспортер. Это была неплохая машина, легкая, маневренная. Два пулемета на турелях смотрели вперед и назад довольно угрожающе, внутри было достаточно места для пятерых.

Водитель завел двигатель и тронулся с места. Дорога покатила им навстречу, и вскоре лагерь бригады остался за поворотом. Путь вел их на восток, в отроги Ангорского хребта...

... Жук огляделся. Ничего не изменилось, вокруг стояла такая же темень, и даже на часах было все еще половина седьмого. Он помотал головой, чтобы отогнать чертовщину.

Сев в машину, он пару минут посидел в тишине, приходя в себя. Такого с ним раньше не бывало никогда, керосин какой-то. Муть, да только интересно, что ж все это означает.

Завел старика-немца. Надо было ехать за Алесей, потом – в «Макс-шоу», довольно дорожную дискотеку в центре. Еще два дня назад он был бы рад такой перспективе, сейчас же апатия охватила его. Ехать не хотелось. Хотелось знать, что будет дальше.

Пересилив себя, Жук тронулся к дому Алеси.

Ровно в семь он припарковал «Опеля» возле подъезда своей барышни. Она уже стояла наготове, и лишь только Жук приоткрыл пассажирскую дверь – юркнула в машину.

– Сашка, ты что, опять кого-то ограбил? – Алеся сделала круглые глаза. В ее представлении это должно было означать изумление пополам с восхищением.

– Да нет, Мордатову помогли толкнуть его тачку. Только одно непонятно – чего он так задешево ее сдал?

– Задешево – это почему?

– Пять косарей баксов за свой «бимер» попросил. Верхушку – нам.

– За его «бимер»? Там же кожаный салон, музыка на сиди, я такую в объявлении видела за семь тысяч!

– Ну и я говорю... Постой, а ты откуда его «бимер» знаешь? – У Жука зародились нехорошие подозрения. Алеся попыталась их отогнать:

– Чешир рассказывал на дне рождения Светки. Ну, ты ее знаешь, кожаные куртки шьет.

– Ладно, будем считать, что отмазалась. Погнали.

Они тронулись в центр.

Движение вечером было напряженным, Жук старательно вел машину, пытаясь соблюдать все правила и знаки. Что-то не хотелось делиться заработанным с лихими гаишниками.

Через двадцать минут они были у дискотеки.

– Ну что, почапали? – Он открыл дверь Алесе и церемонно протянул ей руку.

– Ах, сэр, ну что у вас за разговорные обороты речи? Как будто вы служили в рабочей-крестьянской армии! Фи!

– Ну дык, эва как обернулось-то, надоть пофасонистей, дык в академиях-то не обучамшись! – Жук всегда был рад подхватить игру своей барышни.

– Так вот, юноша. От этой двери и до закрытия этой лавочки извольте изъясняться партикулярно! – Алеся жеманно поджала губки и походкой фотомодели направилась к дверям заведения.

– Слухаю, ваш сиятельство!

Они вошли в полутемный зал, внеся на входе изрядную сумму за счастье несколько часов потолкаться в прокуренном танцзале под оглушающую музыку, попить сомнительных коктейлей.

Алеся тут же присоединилась к шапочно знакомым подружкам, лихо отплясывавшим в центре зала. Через минуту она уже извивалась под грохот неизвестной Жуку группы и была откровенно счастлива.

Жук сел за столик. На нем стояли оплаченные напитки и легкая закуска – орешки, салатики, соленые сухарики. Он взял бутылочку пива, хлебнул от души. Он мог себе позволить это в начале дискотеки – через четыре-пять часов, когда настанет время уходить, пиво должно выветриться.

К нему подседа ярко размалеванная старшеклассница – эту публику Жук узнавал сразу.

– А у вас свободно? – В меру своих слабых сил школьница пыталась быть обольстительной. Девушек в этот бедлам пропускали бесплатно, и они, попав внутрь, старались прибиться к сидящим за столиками парням – из чистого спортивного интереса, в основном.

– Занято – буркнул Жук. Сегодня ему здесь было откровенно скучно, он не понимал, что находил здесь раньше, почему в кругу его друзей сходить в «Макс-шоу» было круто. Убого и плохо, жалкое подражание польским дискотекам (каковые были жалким подражанием европейских).

Все же он решил терпеливо ждать, не зря же были потрачены немалые деньги. Может, еще раскумарится, появиться кураж. Мало ли что еще может быть.

... Прошло три часа, Жук уже изрядно устал от грохота музыки. Несколько раз за столик подсаживалась разгоряченная Алеся, с удивлением смотрела на него (приходилось врать, что температура и головная боль), выпивала очередной коктейль и вновь упархивала в вихрь танца. Ей было хорошо, и это несколько компенсировало хандру Жука.

Ближе к полуночи он начал собираться. Алеся, увидев его поднятую руку, быстро протолкалась к их столику сквозь разгоряченную толпу.

– Что, уходим?

– Не знаю, как ты, а я матери обещал быть в двенадцать. Не хочу нервировать старуху.

– Хорошо, хорошо, пошли. – Видно было, что девушке еще хотелось побыть здесь, но Жук уже давно приучил ее к субординации и дисциплине.

Они вышли в декабрьскую темень. Старичок «Опель» верно ждал у входа, завелся с полоброта, и просто чувствовалось, что и ему не терпится отправиться домой.

Алеся прижалась к плечу Жука.

– Саша, заедем на круг?

Круг – конечная остановка трамваев, место их обычного секса (у обоих дома были родители, поэтому зимой они решали свои вопросы в темени станции, летом было проще – зеленая травка всегда была недалеко).

– Нет, не могу. Температура под сорок, еще тебя заражу каким стрихнином.

– Стрихнин – не болезнь. Поехали!

Нет, сегодня не хочу.

Алеся отвернулась, не на шутку обиженная и немного огорошенная. Раньше Жук сам требовал покувыркаться после всяких светских мероприятий, его сегодняшнее поведение не лезло ни в какие ворота.

Он понял чувства барышни и сказал:

– Понимаешь, заяц, что-то не то происходит. Что-то залезло в голову, мешает жить. Видения какие-то, непонятка. Если хочешь, расскажу.

– Расскажи. – Ответ девушки был холодным. Ее оскорбили в лучших чувствах, и тоном ответа она хотела дать понять этому идиоту, что с ней так поступать нельзя.

– Бодяга одна в башке завелась. Даже боюсь тебе о ней рассказывать, еще подумаешь, что с катушек съехал. Короче, война какая-то завязалась, и я вроде как офицер на той войне. И надо мне сделать что-то очень важное, типа спасти свою армию. Можешь не верить, но все как есть в натуре – и пушки вижу, и всякую конницу, и генералов разных. Самое интересное, что не сон – когда к тебе собрался, возле машины прохватило.

– Ты у психиатра когда был?

– Когда в армию призывали. А что?

– А то, что это болезнь такая психическая. Называется паранойей. Ты со своим Вовиком скоро вдвоем на дурхате засядете.

– Может, и паранойя. Я ж не спорю, да только вряд ли. Что-то слишком уж вживую все. – Жук не обиделся на паранойю. Он вообще на девушек не обижался, понимал, что в этой ситуации Алеся надо стравить пар. Так пусть лучше дуриком объявит, чем бросит – все ж два года вместе.

Молча Алеся вылезла из машины, пошла к подъезду. И на входе к нему обернулась, сказала по возможности ядовито:

– Так и до импотенции можно досмотреться!

Жук тронулся домой. Ждала мама, надо было выспаться, завтра были некоторые планы по работе. А самое главное – очень хотелось узнать, что же происходит дальше...

...Бронетранспортер медленно тащился в гору. Было темно, как бывает только в тропиках – чернильная тьма обступила стеной, лучи фар выхватывали только ближайшие пять-шесть метров неторной проселочной дороги, гибким серпантином вползающей на перевал.

Сидящие в машине тревожно вглядывались в ночь. Чтобы не изнурять напрасно солдат, поручик У Тао сел рядом с водителем, приказав оставшимся своим бойцам спать. И карены, послушно завернувшись в свои бесформенные накидки, через несколько минут сладко дрыхли.

Меррит не мог уснуть. Тьма его несколько пугала, к тому же делала бесполезной и без того довольно приблизительную карту Уханского перевала, к которому полз бронетранспортер.

– Поручик, мы правильно едем? Я ни черта не вижу в темноте.

– Правильно, господин лейтенант. Я здесь вырос. На той стороне будет хуже – там земли шанов, я бывал там значительно реже.

– И сколько времени нам еще ползти?

– Где-то шесть часов. К рассвету будем на перевале, оттуда до Саравака – день пути.

– Скажите, поручик, только по возможности откровенно – зачем вы пошли служить в армию? Ведь карены, как и все горные народы, набираются добровольно? – Меррит задал этот вопрос не случайно. Ему хотелось знать, до какой степени он может доверять этому непонятному каренскому егерю.

– Все очень обыкновенно, господин лейтенант. Мой отец – староста деревни Уттар-Кареш, она севернее, миль восемьдесят отсюда. Я – шестой ребенок. Отдать меня в военный колледж в Амритсаре – это был лучший выбор из всех возможных, ведь в горах довольно трудно прокормиться. А армия всегда щедро платит за кровь.

– Вы ... воевали?

– Прошел с бригадой всю Такинскую войну. Сначала командовал стрелковым взводом, потом – ротой пешей разведки. Был ранен при взятии Банданга, имею серебряную медаль «За отличие в бою» и личную благодарность генерала Маунтбеттена. До сегодняшнего утра состоял в должности начальника штаба батальона Второй бригады каренских егерей. Вот и весь послужной список, вкратце.

– Тогда извините меня за мою несдержанность в палатке полковника.

– Пустое. Все имперские офицеры считают туземные войска ни на что не годными. Это нормально. – Поручик едва заметно махнул рукой. И Меррит понял, что он имел в виду. С точки зрения У Тао офицеры метрополии – тщеславные и честолюбивые молодые карьеристы – только обуза для тех, кто по-настоящему воюет, кто вместе со своими солдатами идет под пули и проливает кровь. Только такие имперские командиры, как полковник Роджерс, полной мерой хлебнувшие всех прелестей колониальной службы, могут иметь авторитет у туземных офицеров и солдат.

– Откровенно говоря, в штабе маршала слабо надеются на местные бригады.

– Не сомневаюсь. Туземные войска создавались ведь не для регулярной войны. Такинский поход, когда мы сражались с практически безоружным ополчением хана Тан Вэня. Подавление бунтов каодаев. Карательные экспедиции против мятежных лхасцев. Устрашение вечно недовольных рабочих на плантациях камеи и на балхских заводах. Вот ради этого и были набраны наши шесть бригад и несколько отдельных полков и батальонов. А теперь маршал вынужден строить из туземных войск правильную линию фронта, имея против себя настоящую армию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.